

О Гаврилиаде

Оригинал здесь: [О стихах и поэтах](#).

Только через восемьдесят один год после смерти Пушкина вышла "Гаврилиада", отпечатанная в России, без сокращений и пропусков. Она была под запретом, и читали ее полностью лишь немногие, кому удавалось достать экземпляр одного из заграничных изданий поэмы. В музейных библиотеках она выдавалась "по особому разрешению". Огромному большинству читателей она была почти неизвестна.

Правда, и это издание выпущено в ограниченном числе экземпляров (555), и издатели указывают в предисловии, что книга предназначена "преимущественно для лиц, изучающих Пушкина, а не для широкого круга читателей". Эта оговорка излишня и несправедлива. Всему русскому обществу пора, наконец, знать Пушкина, а чтобы знать поэта, его раньше всего надо прочитать всего, без изъятий. Если, откапывая в архивах самые незначительные письма, наброски, записки Пушкина, мы спешим ознакомить с ними читателей, справедливо полагая, что ни одно слово, произнесенное им, не должно быть забыто, - то что же сказать о целой поэме, над которой он упорно трудился, которая отразила ряд замечательных черт его творчества, которая так ценна для изучения его биографии и которая, наконец, так прекрасна в своей непосредственной, художественной очаровательности?

"Гаврилиада" была под запретом по двум причинам: она объявлялась, во-первых, кощунственной, во-вторых, непристойной. Да, конечно, это книга не для детей и не для девушек. Но все же и богохульность, и непристойность ее должны быть подвергнуты переоценке.

Время написания "Гаврилиады" целиком относится к так называемому кишиневскому периоду жизни Пушкина. Этим сказано многое. Сколько бы ни грустил в те дни великий поэт, сколько бы раз ни сравнивал он себя с Овидием, "влачившим мрачны дни" на берегах Дуная, - несомненно все-таки, что эта грусть и мрачные мысли не вполне соответствовали его тогдашнему образу жизни. По этому поводу особенно мудрить нечего. Вполне естественно и психологически понятно, что в часы раздумия и одиночества Пушкин задумывался над своей участью, над изгнанием, вспоминал все, что оставил на севере и что потерял еще так недавно, расставшись с Раевскими, - и ему становилось грустно. Но кроме элегического Пушкина существовал и другой: друг Всеволожского и Юрьева, член "Зеленой Лампы", неугомонный Сверчок "Арзамаса", поклонник Вакха и Киприды; для этого Пушкина Кишинев, с его шумом, пирушками, проказами, прекрасными еврейками, снисходительными молдаванками, "обритыми и рогатыми мужьями", дуэлями и всем прочим, - представлял обширное и веселое поле деятельности. К этому надо прибавить, что еще так недавно впервые развернулись пред ним картины Кавказа и Крыма, его поразившие, увидел он новую, необычную жизнь юга, новое небо, горы, море, людей, так мало похожих на обитателей Петербурга и Москвы, всех этих евреев, цыган, молдаван, горцев, татар. Какими, должно быть, бурями откликалась на все это "африканская кровь"! И в довершение всего - двадцать два года, жгучая радость жизни, молодость! Ведь, мудрый от колыбели, Пушкин смолodu был так молод, как никогда и никто из русских людей: и в этом, как во всем, он превзошел их всех.

При таких душевных настроениях сложилась "Гаврилиада" - и отразила их. Это было неизбежно. Безграничная радость и восторг, возникшие от созерцания яркого, пышного, многообильного мира, должны были вылиться наружу. Библия, которую в те дни читал Пушкин, подсказала ему сюжет, переносивший будущего читателя в области самые светлые и обильные, какие только снились человечеству. Картина могла одновременно развернуться в трех планах: на земле - в знойной Палестине, не совсем на земле - в первозданном раю, и вовсе не на земле - в небесах. Вот эта возможность и соблазнила Пушкина. Его восторженному созерцанию мира давала она безграничный простор.

Библия давала поэту фабулу повести и богатый живописный материал. Собственной жизнью Пушкина определился дух будущего создания, - и я бы сказал, что это есть подлинный дух Ренессанса. Да, в начале XIX столетия был в России момент, когда величайший из ее художников, не "стилизуясь" и не подражая, а естественно и произвольно, единственно в силу внутренней необходимости, возродил само Возрождение. Предположительно определяя время написания поэмы осенью 1822 года, получаем: осенью 1822 года, в Кишиневе Бессарабской губернии, Россия, в лице Пушкина, создавшего "Гаврилиаду", пережила Ренессанс. Поэтому совершенно исключительно то место, которое в русской литературе занимает "Гаврилиада".

Языческая радость жизни, любование "бесовскою" прелестью мира, внесенные в разработку христианско-библейских тем, составляют одно из отличительных свойств итальянского Возрождения. Это общеизвестно. Величайшие мастера Возрождения если не были язычниками, то не были и